

Проводить долгосрочные значимые экономические реформы непросто. Выгоды нередко проявляются спустя годы, а боль ощущается сразу. В нашей новой серии «на передовой» представители директивных органов рассказывают о проблемах, которые связаны с продвижением реформ, направленных на более высокий рост, повышение производительности и увеличение числа рабочих мест.

ФОТО: PETER ANDREWS/REUTERS/NEWS.COM

Благоприятная возможность

Лешек Бальцерович объясняет, почему важно двигаться быстро, когда граждане готовы принять изменения

ЛЕШЕК БАЛЬЦЕРОВИЧ, архитектор перехода Польши к рыночной экономике, начал изучать способы реформирования советской системы в 1970-е годы. Позднее он стал советником профсоюзного движения «Солидарность». В течение двух лет, начиная с 1989 года, Бальцерович был министром финансов и заместителем премьер-министра в правительстве Тадеуша Мазовецкого, который возглавлял первое некоммунистическое правительство в Восточной Европе со времен Второй мировой войны. Бальцерович вновь занял эти должности с 1997 по 2000 год и был президентом центрального банка с 2001 по 2007 год. Он получил степень доктора наук по экономике в Центральной школе планирования и статистики в Варшаве (в настоящее время Варшавская школа экономики), где он по-прежнему преподает.

В настоящем интервью с Крисом Веллисом из редакции «Ф&Р» Бальцерович вспоминает о напряженном времени своего первого пребывания на посту министра финансов и рассказывает, как он стремился преодолеть препятствия, с которыми он сталкивался, используя кратковременную возможность для «экстраординарных мер политики».

«Ф&Р»: В 1970-е годы Вы собрали команду экономистов для изучения путей реформирования существующей социалистической системы. Вы говорили, что эта работа была похожа на хобби, потому что перспектива реформ казалась слабой. Затем в декабре 1981 года было введено военное положение. Что произошло потом?

Л.Б.: После введения военного положения не было никакой надежды на проведение каких-либо крупных реформ. ... Однако мы продолжали нашу работу, но на этот раз без каких-либо ограничений. Мы изучали приватизацию, либерализацию, фискальные реформы. ... Мы, конечно, не предполагали, что это пригодится нам в течение нашей жизни.

«Ф&Р»: Затем состоялись так называемые переговоры «за круглым столом» между «Солидарностью» и коммунистическим правительством, за которыми последовали выборы, приведшие к формированию нового правительства под руководством Тадеуша Мазовецкого из «Солидарности». Вы сказали, что примете должность, но только при определенных условиях. Что это были за условия?

Л.Б.: Первым условием было то, что экономическая реформа должна быть массовой, быстрой и радикальной. Второе условие заключалось в том, что я войду в правительство с группой людей — своей командой. Третье — что я как заместитель премьер-министра возглавлю экономический комитет совета министров как своего рода координационный механизм между всеми экономическими министерствами. В то же время я занял пост министра финансов. Четвертым условием было то, что я буду назначать на экономические должности.

«Ф&Р»: Как Вы оценивали экономическую ситуацию?

Л.Б.: [Ситуация] была драматичной; объем производства сокращался. В стране бушевала гиперинфляция. У нас был очень большой внешний долг. Но только после того, как я согласился на эту работу, я осознал, что ситуация была еще хуже, так как оказалось, что имел место скрытый внутренний долг.

«Ф&Р»: Как Вы определились со стратегией?

Л.Б.: Во-первых, мы знали, ... что, когда страна поражена гиперинфляцией, необходимо очень быстро сократить темпы печатания денег. Во-вторых, мы знали из наших исследований предыдущих реформ при социализме и в некоторых других странах — но особенно при социализме, — первоначальная порция изменений должна быть очень большой и очень быстрой. [Мы также знали], что изменения не должны проводиться последовательно друг за другом. Крупные изменения должны начинаться примерно в одно то же время, как один пакет.

«Ф&Р»: Почему это было так важно?

Л.Б.: После такого прорыва, который произошел в Польше в 1989 году, существует короткий период для того, что я назвал «экстраординарными мерами политики», так сказать, период благоприятных возможностей, когда люди были более, чем обычно, готовы к радикальным изменениям. И наилучшим способом использовать этот подарок истории было очень быстрое продвижение широким фронтом, что... мы и сделали в Польше. Очень быстрая стабилизация и массовая либерализация экономики, которая включала ликвидацию большинства отечественных монополий...

«Ф&Р»: Какова была Ваша самая насущная задача, когда Вы только вступили в должность?

Л.Б.: Основная проблема заключалась в том, чтобы остановить гиперинфляцию. Технически это было легко. Нам пришлось замедлить печатание денег, поэтому это в значительной степени было налогово-бюджетной проблемой. Одновременно мы обеспечили независимость центрального банка.

«Ф&Р»: А как насчет валюты? В то время она не была конвертируемой, и процветал черный рынок в долларах.

Л.Б.: Одной из самых крупных реформ, которые мы провели, была унификация обменного курса и введение конвертируемости валюты, и это была своего рода революция, потому что люди могли легально импортировать товары. И это усилило конкуренцию в области предложения.

«Ф&Р»: Как Вы определились с валютным режимом?

Л.Б.: На некоторое время мы выбрали фиксированный обменный курс, который было очень сложно определить. МВФ представил аргумент, который я в то время принял, о том, что Польше нужен номинальный якорь, чтобы остановить гиперинфляцию. И, конечно, было чрезвычайно трудно точно определить, на каком уровне следовало стабилизировать польский злотый — при каком обменном курсе. Но мы должны были принять решение.

«Ф&Р»: Вы были новичком в политике. Каким был для Вас этот переход?

Л.Б.: Я пришел в политику не ради политики. Меня попросили выполнить работу. И эта работа имела исторические масштабы. Нам не требовались широкие публичные обсуждения и убеждения, потому что у нас было парламентское большинство — движение «Солидарность», — и отсрочка перемен для представления подробных разъяснений привела бы к потере весьма драгоценного времени. Так что в политическом отношении это было довольно легко.

«Ф&Р»: Миллион человек потеряли работу. Вас беспокоили политические издержки?

Л.Б.: Это — широко распространенный миф, потому что, во-первых, люди связывают социальные издержки с реформами, тогда как отсрочка реформ приводит к значительно большим социальным издержкам. ... Во-вторых, относительно безработицы, следует помнить, что на социалистических предприятиях было много скрытой безработицы. И часть этой скрытой безработицы стала открытой. И, в-третьих, первоначальный закон о пособиях по безработице был слишком слабым.

«Ф&Р»: Каково было главное достижение реформ в Польше?

Л.Б.: Польша отставала в экономическом развитии от Запада на протяжении последних 300 лет, поэтому разрыв увеличивался, особенно после Второй мировой войны. И только благодаря рыночным реформам после 1989 года мы начали наверстывать темпы. И мы перешли от примерно 30 процентов доходов на душу населения в Германии в 1989 году к примерно 60 процентам. Впервые в истории Польши за последние 300 лет страна начала быстро сближаться с Западом.

«Ф&Р»: Вас беспокоило то, что избиратели ассоциировали реформы с экономическими тяготами?

Л.Б.: В первые два года массовых социальных протестов не было, и было всего несколько политических протестов. Со временем, как и в любой стране, появились политики, которые пытались заработать политический капитал, критикуя то, что они называли резкими или бесчеловечными экономическими реформами.

«Ф&Р»: Было ли что-то, что осталось незавершенным, чего Вы хотели бы добиться?

Л.Б.: Если бы у меня было больше людей, с которыми я мог бы работать, я бы внес больше изменений в унаследованную социальную систему, пенсионные реформы и реформы здравоохранения.

«Ф&Р»: Актуален ли этот опыт сегодня для директивных органов других стран?

Л.Б.: Существует множество квази-социалистических экономик, в которых доминирует государственный сектор. ... в этих странах ситуация в какой-то степени сопоставима с той, которая существовала в Польше и других социалистических странах в 1989 году.

«Ф&Р»: Оглядываясь назад на то время, что Вы лично думаете о той роли, которую Вы играли?

Л.Б.: Даже в начале 1989 года я не мечтал о том, что Польша будет свободна, а я буду играть роль в ее преобразовании. Разумеется, это было нелегко, но грех жаловаться, когда что-то превосходит вашу мечту. **ФР**